

ОТ ГОРОДА-САДА К ГОРОДУ-ПАРКУ: О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В ТЕКСТЕ ГОРОДА

Е.В. Медведева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, yelena_medvedeva@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию города как текста культуры, возникающего за счет взаимодействия разных семиотических кодов в городском пространстве. При таком подходе текстом оказывается сама городская среда, где результаты исторической и культурной жизни города закреплены с помощью архитектуры, топонимики, природных феноменов и пр. Учитывая многоаспектность городской семиотики, представляется целесообразным сфокусировать внимание на урбанистической метафоре как виде тропа, позволяющем в образной форме зафиксировать основное сообщение городского текста или сообщение, транслируемое одним из его фрагментов. Предметом исследования в данной статье является метафора «город-сад», ее функционирование, а также ее формальные и семантические модификации в XX–XXI вв. В статье предпринята попытка проанализировать трансформацию данной «текстопорождающей» метафоры, положившей начало градостроительной концепции Э. Говарда и ставшей ее квинтэссенцией, в метафору стертую, в определенный момент превратившуюся в газетный штамп и поэтому утратившую значительную часть своего исходного семантического наполнения. Представляется, что появление современного варианта «город-парк» обусловлено идеологическим влиянием концепции Нового урбанизма, с одной стороны, и утилитарной необходимостью продвижения строящихся жилищных комплексов и микрорайонов городов, – с другой. Тем не менее возникновение новой метафоры позволяет указать как на смену подходов к благоустройству городского пространства, так и на сопутствующие изменения в тексте города как тексте культуры.

Ключевые слова: город; городская среда; городское пространство; город как текст; городской текст; знаковые системы; семиотика города; семиотика пространства; урбанистическая метафора; город-сад; город-парк

Для цитирования: Медведева Е.В. От города-сада к городу-парку: о функционировании урбанистической метафоры в тексте города // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 68–78.

FROM GARDEN-CITY CONCEPT TO PARK-CITY CONCEPT: USING THE URBAN METAPHOR IN THE TEXT OF THE CITY

Elena V. Medvedeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, yelena_medvedeva@mail.ru

Abstract. The article considers the city as a text of culture which appears due to interaction of different semiotic codes in urban space. Due to this approach urban space can be regarded as the text which consolidates the results of historic and cultural life of the city with the help of architecture, toponymics, natural phenomena. With regard to multi-aspect nature of urban semiotics it seems reasonable to focus on the urban metaphor as a trope which conveys the main message as a figurative expression. The article studies the metaphor garden-city concept and its semiotic modifications in XX–XXI centuries. The author attempts to analyze the transformation of this metaphor, which initiated the urban planning conception of E. Howard, into a dead metaphor which converted into a newspaper cliché and, as a result, lost its original semiotic sense. The ideological influence of new urbanism and the necessity of promotion of new housing complexes have stipulated the appearance of this modern variety of the concept: park-city concept. However, this fact allows to concentrate both on the change of approaches to urban planning and on the related changes in the urban text as a text of culture.

Key words: city; urban environment; city as a text; urban text; semiotics; semantics of a city; visual semiotics; sign systems; urban metaphor; garden-city; park-city

For citation: Medvedeva E.V. (2022) From Garden-City Concept to Park-City Concept: using the Urban Metaphor in the Text of the City. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 68–78. (In Russ.)

Изучение городского пространства как текста культуры было начато в работах Н.П. Анциферова и затем продолжено в трудах тартусско-московской семиотической школы. В настоящее время исследования городского текста проходят в двух основных направлениях, дополняющих друг друга. Одно из них связано с изучением городского нарратива и позволяет реконструировать образ того или иного города, каким он предстает в совокупности посвященных городу художественных текстов, преимущественно литературных.

Другое направление основано на интерпретации городского пространства как взаимосвязи разнородных элементов, в совокупности образующих плотную ткань городской среды – особый вид текста в исходном понимании термина (см., например: работы С.С. Аванесова, С.В. Пирогова о визуальной семиотике городского пространства; О.М. Соколовой о минском тексте; Л.М. Гаврилиной, Е.В. Медведевой о калининградском тексте и т.д.). При таком подходе

текстуальная интерпретация городской среды должна учитывать, во-первых, что город «является произведением многих авторов, принадлежащих различным эпохам» [Горнова, 2014: 77]; во вторых, – что в формировании данного текста участвуют единицы разных знаковых систем, связанных с пространственным планированием, художественным изображением, естественным языком, звуком, ритуалом, поведением и пр.; наконец, в-третьих, – что результирующий гетерогенный текст не обладает раз и навсегда застывшими формой и содержанием. Он подвижен, текуч, способен к развитию и постоянно вбирает в себя и продуцирует новые смыслы.

Дополнительную сложность в изучении такого особого вида текста представляет собой разнородность терминологии, используемой для проведения городских исследований. Так, анализируя городскую среду, а по сути, говоря о тексте города, Т.М. Дридзе указывает на то, что под средой следует понимать «не только ландшафты, но и качественное состояние ее естественно-природных и “рукотворных” составляющих, уровень информационного обмена, характер господствующей символики. <...> это еще и другие люди, способы взаимодействия с которыми (сотрудничество, соперничество, компромисс, приспособление и пр.) и даже само отношение человека к ближайшему своему социальному окружению составляют один из важнейших факторов выживания и воспроизводства» [Дридзе, 1994: 131]. Таким образом, в понятие городского текста оказываются включены четыре компонента:

- природный – территориально-ландшафтные особенности, специфика флоры и фауны;
- рукотворный – материальные достижения цивилизации;
- информационный – коммуникативные потоки городского пространства, системы знаков и символика города;
- социопсихоантропологический – образ и стиль жизни, менталитет и контакты между резидентами [Дридзе, 1994: 134–135].

Важно подчеркнуть взаимосвязь и взаимообусловленность всех перечисленных составляющих, поскольку изменение одной из них влечет за собой и изменение всех остальных. При этом взаимодействие указанных компонентов в пространстве города обуславливает возникновение особой «культурной субстанции» [там же: 132], которую, в конечном счете, условно можно интерпретировать как смысл текста города, его основное сообщение, влияющее, с одной стороны, на формирование стиля жизни, атмосферы, «духа» того или иного города, а с другой, – на его восприятие наблюдателем (резидентом или приезжим). Это обстоятельство обусловило стремление многих теоретиков и практиков градостроения пойти «от обратного»: сформулировать привлекательную идею будущего го-

рода, а затем на ее основе «написать» городской текст, т.е. разработать системы элементов, взаимодействие которых должно обусловить возникновение соответствующей исходной идее культурной субстанции. Таким образом, теоретическая концепция городского планирования часто «развертывается вокруг центральной метафоры, служащей наиболее обобщенным выражением восприятия города» [Линч, 1986: 42].

Примерами таких урбанистических метафор¹ являются, например, «город-храм», «город-порт», «город-линия» и т.д. Однако наибольшую известность в XX в. приобрела метафора «*город-сад*», которая легла в основу концепции Э. Говарда, детально разработавшего проект поселения, призванного сочетать в себе лучшие качества города и деревни. В книге «Города-сады будущего» (1898) он подробно описал такой идеальный город с населением до 32 тыс. человек. В кратком виде основы его концепции можно сформулировать в соответствии с системой компонентов городской среды Т.М. Дридзе:

- природный: обилие зеленых насаждений, наличие приусадебного участка у каждого из коттеджей, сад и парковые пространства в центральной части города, выведение промышленной и сельскохозяйственных территорий на городскую периферию;

- рукотворный: кольцевая планировка пространства, в центре которого расположен сад, окруженный кольцом административных построек, затем парковой зоной, далее зоной малоэтажной жилой застройки и объектами гражданской инфраструктуры (детально рассчитаны размеры объектов и расстояния между ними для обеспечения их пешей доступности), наконец, промышленной и сельскохозяйственной зонами, железнодорожными путями;

- информационный: в концепции детально не описан, поскольку он зависит от конкретных особенностей того или иного населенного пункта, в том числе от реализации рукотворного компонента на местности;

- социопсихоантропологический: функционирование сплоченной городской общины (community), общественный характер самоуправления, коллективная собственность на землю и недвижимость.

Иными словами, *метафора «город-сад» стала отправной точкой и одновременно квинтэссенцией созданной градостроительной концепции, основным содержанием будущего текста города, набор элементов которого логично складывался под влиянием семантики*

¹ Урбанистическая метафора – «вид тропа, в котором осуществляется перенос свойств одного явления городской жизни на другое, где присутствует скрытое сравнение различных аспектов бытия города, городской культуры» [Горнова, 2014: 49].

компонента «сад»². Словарное определение не дает исчерпывающего представления о семантическом наполнении лексемы: очевидно, что в него входят также рукотворный характер ландшафта, культивируемые виды растений, преимущественно плодовые и/ или цветущие культуры, наличие тропинок и/ или дорожек, сравнительно небольшой размер и т.д. Итак, смысловым фокусом градостроительной модели является сад, задающий и особые характеристики городского пространства: специфику зеленых насаждений, малую этажность и небольшой размер жилых и общественных построек, ширину дорог, отсутствие общественного транспорта внутри городского пространства и т.д. Легко представить себе и атмосферу такого города: размеренный ритм жизни, дружелюбные отношения с соседями и т.д. Важно подчеркнуть, что *смысловой акцент в данном случае приходится на компонент «сад»* – т.е. город оказывается устроен по принципу сада, а городская среда в определенной степени перенимает характеристики садового пространства. Этот же компонент обеспечивает и дополнительную эмоциональную насыщенность метафоры, наделяя ее положительными коннотациями.

Тем не менее при всей привлекательности концепции Э. Говарда, мгновенно завоевавшей популярность на рубеже XIX–XX вв., ее буквальная реализация за редким исключением оказывалась неудачной. Однако опыт тех стран, где *общие принципы концепции «города-сада» были переосмыслены и применены к отдельным фрагментам городского пространства*, оказался гораздо более впечатляющим. В данном случае правомернее было бы говорить о «поселках-садах» или «районах-садах», создававшихся на периферии уже существующих городов, например: Маргаретенхё в г. Эссен, Амалиенау в г. Кёнигсберг, Чатем Виллидж в г. Питтсбург, Дэнъэнтёфу в г. Токио, Марино в г. Дублин и т.д.

В этом контексте отдельного упоминания заслуживает жилищно-кооперативное товарищество «Сокол» в г. Москва, образованное в 1923 г. в районе Ходынского поля. Особое значение при проектировании придавалось непосредственному формированию среды (в разработке концепции принимали участие философ П.А. Флоренский и художник В.А. Фаворский), в связи с чем внимание уделялось не только планировке пространства, но и его архитектурному облику, озеленению, а также насыщению знаками, способствующими формированию особой атмосферы поселения, т.е. особой культурной субстанции:

² Сад – «участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами» (Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2003).

- рукотворный компонент: свободная планировка, соответствующая особенностям ландшафта; использование нестандартных планировочных решений, визуально увеличивающих пространство улиц; разработка типовых коттеджей для застройки, наряду с которыми были задействованы индивидуальные архитектурные решения и экспериментальные технологии;

- природный компонент: продуманная концепция озеленения пространства; размещение определенной породы деревьев на каждой улице, за счет чего сформировалась их своеобразная «ботаническая» индивидуальность; культивация и селекция разнообразных растений (в том числе редких, занесенных в Красную книгу) в общем пространстве поселка и на приусадебных участках; разработка особого типа ограждения (невысокий забор с зазорами между планками штакетника) для создания визуально однородного зеленого просматриваемого пространства;

- информационный компонент: тематически однородная система топонимов (позже давшая «народное название» и самому поселению, больше известному как «Поселок художников»), в соответствии с которой 12 из 14 улиц были переименованы в честь русских художников³;

- социопсихоантропологический компонент: социально и профессионально разнородный состав жителей поселка, позволявший удовлетворять значительную часть бытовых и инфраструктурных потребностей собственными силами на общественных началах; возникновение сплоченной местной общины; создание кружков по интересам, домашних школ, летнего лагеря для детей, клуба-театра и пр.

Таким образом, *применение концепции города-сада к одной из городских территорий позволило сформировать фрагмент городского пространства с собственными уникальными характеристиками*. При этом метафора «город-сад» лишается четкой привязки к городу в целом, возникают трансформированные варианты «район-сад», «поселок-сад», «сад-город» (в качестве имени собственного, например, в одном из районов г. Барнаул). Связь с первоисточником не утрачивается, но *метафора теряет статус «градообразующей» и входит в текст города в качестве одного из знаков, обозначающих особую часть городского пространства*.

³ Тематическая однородность топонимов стала определенным продолжением дореволюционной традиции, в соответствии с которой улицы дачных поселков назывались в честь деятелей культуры. Отметим, что улицы в северо-западной части поселка «Сокол» планировалось назвать именами русских композиторов, однако эта территория позже была изъята у поселка городскими властями.

Концепция Э. Говарда, поначалу встреченная в СССР с большим воодушевлением, позже была подвергнута идеологическому осуждению и далее упоминалась в основном как пример нежизнеспособной градостроительной модели. Противодействие властей обустройству городов-садов, точнее – пригородов-садов, способных решить жилищную проблему, по мнению М.Г. Мееровича, было связано с «борьбой за право распоряжения жилищем, за контроль над его заселением и за использование его как средства управления людьми» [Меерович], т.е. в первую очередь было обусловлено самоуправляемостью общины и правом собственности на недвижимость. В этой связи в СССР разрабатываются проекты *рабочих поселков-садов*, лишь частично соответствовавших идеям Э. Говарда:

- центром поселения и его смысловым фокусом становится промышленное предприятие;
- заметно увеличивается этажность жилых строений;
- застройка предназначается преимущественно для коммунального (позже – поквартирного) заселения;
- обобществление быта обуславливает обобществление пространства и появление помещений и территорий общего пользования (от мест коллективного приготовления пищи до коллективных досуговых зон как внутри построек, так и на придомовых территориях, а также в зеленых зонах).

Иными словами, в 1930-е годы *связь метафоры «город-сад» с градостроительной концепцией постепенно отходит на дальний план, а само выражение превращается* сначала в идеологему с негативными коннотациями, а затем в *распространенный газетный штамп, актуализирующий бытовое представление о городе-саде*, а потому все еще используемый в положительном ключе: «В 1950–70-е гг. регулярно публиковались статьи, в заголовках которых звучал призыв превратить какой-нибудь советский город в “город-сад” (т.е. наладить мероприятия по озеленению): Москву, Минск, Баку, Одессу. О южных городах – таких как Ашхабад, Нагорный Карабах – писали как о городах-садах» [Котова, 2014: 34].

Таким образом, во второй половине XX в. *«город-сад» превращается в стертую метафору*, практически теряет связь с исходной концепцией (сохраняя ее лишь для специалистов) и *представляет собой образное обозначение цели и/или результата предпринятых мер по озеленению городского пространства*. Семантика компонента «сад» постепенно размывается, а смысловой акцент переходит на компонент «город» в таком его понимании, которое было свойственно времени. Иначе говоря, «город-сад» в СССР в указанный период воспринимается как активно развивающийся индустриальный город с многоэтажными домами, широкими улицами и площадями, в

котором, тем не менее, много зелени, цветочных клумб, скверов и бульваров.

На рубеже XX–XXI вв. под влиянием идей Нового урбанизма возникает осознание необходимости переустройства городского пространства, создания «города для людей» в противовес сложившемуся «городу для автомобилей». Несмотря на разность в подходах у отдельных школ и направлений появляется новая тенденция – «превращение города в парк, главный тренд современного урбандизайна»⁴: «если вы попросите Google найти проекты благоустройства городского пространства – public space design, – то получите бесконечный ряд картинок газонов, клумб, живых изгородей, аллей и отдельных деревьев. <...> теперь современный идеальный горожанин – это пеший энтузиаст зелени, и Москва тут не отличается от Парижа и Лондона» [Ревзин, 2019: 169].

Соответственно, возникают и новые концепции благоустройства городского пространства: например, «Город в парке» – проект, реализуемый в г. Уфа с 2012 г., – предусматривает реконструкцию существующих зеленых зон и создание новых мест для отдыха и прогулок. В период 2013–2017 гг. в городе были благоустроены 28 зон отдыха и созданы 17 новых, и сегодня в Уфе в общей сложности насчитывается 77 парков⁵. С 2012 г. в пространстве Москвы появляется сразу несколько жилых комплексов, название которых включает компонент «парк» (Саларьево парк, Румянцево-Парк и др.) или, что еще более важно, «город-парк» (город-парк «Переделкино Ближнее», «Первый Московский» город-парк и др.).

Представляется, что включение компонента «парк» в название новых городских территорий обусловлено как влиянием идей Нового урбанизма, так и необходимостью рекламного продвижения жилых комплексов: обладая дополнительной образностью, и указанный компонент, и новая урбанистическая метафора способствуют положительному эмоциональному восприятию пространства⁶. Очевидно, что метафора «город-парк» возникает на основе позднего восприятия города-сада, однако в достаточной степени отличается от него. Словарное толкование компонента «парк»⁷ дает лишь основное представление о его семантике, к нему необходимо доба-

⁴ Ревзин Г.И. Как помойка станет парком // Коммерсант Weekend. 01.05.2020. № 14. С. 5.

⁵ В Уфе реализуется концепция «Город в парке». URL: <https://ufacity.info/press/news/241156.html> (дата обращения: 10.06.2021).

⁶ См., например, рекламное сообщение нового ЖК: «ВТБ АРЕНА ПАРК. Парк под окнами. Апартаменты премиум-класса».

⁷ Парк – «большой сад или насаженная роща с аллеями, цветниками и пр.» (Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2003).

вить и те смысловые элементы, которые различают «парк» и «сад» в сознании говорящего:

- характер ландшафта не обязательно рукотворный, но окультуренный (необходимо наличие дорожек, скамеек, клумб, фонтанов и пр.);
- растения преимущественно не плодовые, но эстетически привлекательные;
- большая занимаемая территория (по сравнению с садом, сквером и т.д.);
- принадлежность преимущественно к городскому пространству, расположение внутри него⁸.

В связи с этим основным компонентом метафоры «город-парк» следует признать «город», при этом современные представления об идеальном городе обусловили выбор второго компонента – неотъемлемой составляющей благоустроенной городской среды в ее сегодняшнем понимании. В данном новообразовании полностью исчезает отсылка к созданию «третьего места», предложенного Э. Говардом на основании объединения лучших качеств города и деревни. Новая метафора точнее соответствует масштабам современного города (высотной застройке, размерам районов, ширине путей и длине расстояний). Сегодня акцент делается на объединение городской и природной среды, насыщении сложившегося и/ или проектируемого городского пространства природными компонентами и обеспечении непротиворечивого сосуществования города с окультуренной природой. Очевидно, что в современном городском пространстве, трансформированном в соответствии с представлением о городе-парке, со временем сформируется и новая культурная субстанция, что внесет изменения в общее содержание текста города.

Таким образом, урбанистическая метафора «город-сад», являвшаяся отправной точкой для создания градостроительной концепции Э. Говарда и на некоторое время ставшая «градообразующей», претерпела серьезные формальные и семантические изменения в XX–XXI вв. Смысловой акцент, изначально приходившийся на компонент «сад», постепенно перемещался на компонент «город», что привело к размыванию семантики и превращению метафоры в штамп, акцентировавший необходимость или результативность мероприятий по озеленению. При этом оказалось возможным использовать стертую метафору в качестве образной характеристики современного высотного, активно развивающегося города, в котором располага-

⁸ Усадебный парк представляется особым типом парка, требующим отдельного исследования.

ется достаточное количество зеленых насаждений. В новой урбанистической метафоре «город-парк», образованной по прежней модели, объединены семантически более близкие понятия, поскольку парк является одной из реалий городского пространства. При этом значение этой новой метафоры стало производным от значения стертой метафоры «город-сад», подразумевавшей обустройство комфортного городского пространства за счет его насыщения природными феноменами.

Сказанное позволяет сделать вывод и об изменениях в тексте города как тексте культуры: практически утратив статус градо- или текстообразующей метафоры, «город-сад» остался зафиксированным в тексте некоторых городов в качестве одного из знаков, обозначающих особую часть городского пространства. В начале XXI в. текст города оказался дополненным новым знаком, позволяющим именовать некоторые фрагменты городской территории в соответствии с современными представлениями об идеальном городе и способствующим их положительному эмоциональному восприятию. Замена компонента и появление новой урбанистической метафоры «город-парк» не только свидетельствуют о смене подхода к устройству городской среды и представлений об идеальном городском пространстве, но и фиксируют эти изменения в тексте города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горнова Г.В. *Философия города*. М., 2014.
2. Дридзе Т.М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании // *Общественные науки и современность*. 1994. № 1. С. 131–138.
3. Исаева А.Ю. Метафоризация образа Парижа в мемуарах Ж.-Э. Османа // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. № 2. С. 164–171.
4. Котова Е.С. Город-сад: альтернативная концепция формирования городской среды // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2014. № 3. С. 32–39.
5. Линч К. *Совершенная форма в градостроительстве*. М., 1986.
6. Меерович М.Г. Рождение и смерть советского города-сада. URL: <http://archi.ru/elpub/91183/rozhdenie-i-smert-sovetskogo-goroda-sada> (дата обращения: 10.06.2021).
7. Ревзин Г.И. *Как устроен город: 36 эссе по философии урбанистики*. М., 2019.
8. Робустова В.В., Манченкова А.И. Репрезентирующая функция имен собственных // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2021. № 1. С. 32–41.

REFERENCES

1. Dridze T.M. 1994. Chelovek i gorodskaya sreda v prognoznom sotsial'nom proektirovanii [Man and the urban environment in predictive social design]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 131–138. (In Russ.)

2. Gornova G.V. 2014. *Filosofiya goroda* [Philosophy of the city]. Moscow, FORUM: INFRA-M. (In Russ.)
3. Isaeva A.Yu. 2020. Metaphorization of the image of Paris in the memoirs of J.-E. Osman. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 164–171. (In Russ.)
4. Kotova E.S. 2014. Gorod-sad: al'ternativnaya kontseptsiya formirovaniya gorodskoi sredy [Gorod-sad: an alternative concept of the formation of the urban environment]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, no. 3, pp. 32–39. (In Russ.)
5. Lynch K. 1986. *Sovershennaya forma v gradostroitel'stve* [A theory of good city form]. Moscow, Stroizdat. (In Russ.)
6. Meerovich M.G. *Rozhdenie i smert' sovetskogo goroda-sada* [The birth and death of the Soviet garden city]. URL: <http://archi.ru/elpub/91183/rozhdenie-i-smert-sovetskogo-goroda-sada> (accessed: 10.06.2021). (In Russ.)
7. Revzin G.I. 2019. *Kak ustroen gorod: 36 esse po filosofii urbanistiki* [How the city is arranged: 36 essays on the philosophy of urbanism]. Moscow, Strelka Press. (In Russ.)
8. Robustova V.V., Manchenkova A.I. 2021. Representative function of proper names. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 32–41. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.08.2021;
одобрена после рецензирования 19.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 19.08.2021;
approved after reviewing 19.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Медведева Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, yelena_medvedeva@mail.ru

About the author

Elena V. Medvedeva – PhD, Associate Professor, the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, yelena_medvedeva@mail.ru